

Широкий Михаил

Сон в зимнюю ночь

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+



Михаил Широкий

Сон в зимнюю ночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43255236

SelfPub; 2019

Аннотация

Новогодняя ночь – самая чудесная ночь в году, которую все стремятся провести в дружной компании. Но в этот вечер Кирилл оказался в одиночестве, наедине со своими мыслями, щемящими сердце воспоминаниями о погибшей по его вине любви. В итоге его тоска, ревность и страх потерять любимую становятся невыносимы, он преодолев апатию бежит из дома, чтобы снова увидеть её, свою Сашу, объясниться, вымолить прощение. Он ещё не знает, что между ними встали не только недоразумения и недопонимание, но и неведомые, страшные силы, преодолеть которые может только любовь. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

После недолгого перерыва снег пошёл пуще прежнего. Если раньше с неба падали мелкие, почти невидимые снежинки, то теперь это были крупные хлопья, мягкие и невесомые, как пух, неторопливо и плавно парившие в воздухе и не спешившие опускаться на землю. И спустя какое-то время уличные фонари, киоски, ветви деревьев уже были покрыты массивными белыми шапками, а на крутых скатах крыш, особенно по краям, образовались огромные залежи снега, в любую минуту грозившие обрушиться вниз.

По обеим сторонам дороги, между проезжей частью и тротуарами, тянулись длинные вереницы сугробов. Днём, когда слегка пригрело солнце, они подтаяли и осели, превратившись через час-другой в небольшие невзрачные пригорки грязноватого цвета, похожие на кучи мусора. Но вечером, после того как скрылось не по-зимнему тёплое солнце и повалил снег, они стали быстро, почти на глазах, увеличиваться в размерах, расти ввысь и вширь, обретая округлые очертания и чистый бело-голубой оттенок.

Но особенный, неповторимый новогодний колорит придавали заснеженной улице рукотворные признаки близившегося праздника – сиявшие разноцветными огнями витрины магазинов, развешанные на придорожных фонарях яркие мигающие гирлянды, протянутая над перекрёстком широкая лента с надписью большими красочными буквами: «С Новым

Годом!»

Улица была практически пуста. Изредка показывались одинокие, как правило, спешившие куда-то прохожие, быстро пробежавшие мимо и исчезающие из поля зрения; слышался лишь хруст снега под их торопливыми шагами. Зато почти все окна в окрестных домах были освещены; то и дело в них мелькали человеческие фигуры, — люди заканчивали последние приготовления к празднику. Время от времени то тут, то там, то вдалеке, то где-то близко раздавались весёлые крики и взрывы смеха, а в небо с сухим, протяжным треском и шипением взлетали сверкающие ракеты, рассыпаясь в тёмной вышине снопами ослепительных искр.

Кирилл вздохнул, задёрнул штору и отошёл от окна. Постоял немного посреди комнаты, уронив голову на грудь и уставив неподвижный, бездумный взгляд в пол. Затем испустил ещё один вздох, повёл плечами и медленно, еле передвигая ноги, двинулся в соседнюю комнату — просторную, ярко освещённую и празднично убранную гостиную, где улёгся на мягкий, обтянутый коричневой кожей диван и прикрыл глаза.

Некоторое время он лежал без движения, сложив руки на животе и тихо, ровно дыша, так что могло показаться, будто он уснул или, во всяком случае, погрузился в лёгкую дремоту. Однако длилось это совсем недолго: через минуту-другую он шевельнул рукой, чуть поморщился, словно увидел в полусне что-то не слишком приятное, и открыл глаза. Хму-

рым, мутноватым взглядом провёл по комнате, ненадолго задержав его сначала на богато украшенной, усыпанной многочисленными игрушками и увитой блестящими гирляндами ёлке, от которой исходил, разливаясь по всей квартире, свежий смолистый запах, а затем на стоявшем рядом с диваном продолговатом, со вкусом сервированном столе, в центре которого высилась, точно башня, большая зеленоватая бутылка шампанского.

Но все эти характерные приметы близкого торжества – и те, что он видел за окном, и находившиеся сейчас перед его глазами, – по-видимому, совсем не радовали Кирилла, не наполняли его праздничным возбуждением, охватившим в этот час подавляющую часть населения города, и тем светлым, волнующим чувством предвкушения чего-то хорошего, отрадного, чудесного, которое всегда, с детских лет, овладевало им перед Новым годом.

Теперь ничего этого не было и в помине. Ни радостного волнения, ни радужных надежд, ни трепетного ожидания каких-то новых, неведомых благ. И не только потому, что детство с его наивными розовыми фантазиями и мечтами давно и безвозвратно прошло и он не доверял больше ярким, обольстительным иллюзиям и всё реже поддавался пьянящему обману чувств. Его мрачное, подавленное состояние имело другую, гораздо более важную и глубокую причину, ни на минуту не дававшую ему забыться, постоянно напоминавшую о себе, лишавшую его покоя и душевного равнове-

сия. И чем больше он думал о ней, тем пасмурнее и сумрачнее делалось его лицо, тускнел и гас блеск в глазах, медленнее и ленивее становились движения. И приближавшийся, всё более громко заявлявший о себе праздник, окружающее оживление и веселье не только не улучшали его настроения, но, напротив, как будто ещё больше оттеняли и усугубляли скверное, упадочное расположение его духа, лишний раз напоминая ему о том, что он утратил в уходящем году, чего лишился по собственной вине, о чём вынужден теперь сожалеть и сокрушаться...

Телефонный звонок прервал его тягостные, меланхолические раздумья. Он чуть повернул голову и взглянул на лежавший рядом, на краю стола, мобильник. Прочитал имя звонившего, немного помедлил, точно колеблясь, отвечать или нет, и, так и не ответив, вновь уронил голову на подушку и закрыл глаза.

И опять со стороны могло показаться, что он забылся дремой и отрешился от всего окружающего. Но это было не так-то просто, потому что вокруг было довольно шумно. К соседям пришли гости, и за стеной раздавались их громкие голоса и смех. Под окном ненадолго остановилась загулявшая компания, и оттуда некоторое время доносилась не очень связная, крикливая речь, исходившая из нескольких глоток одновременно и то и дело прерывавшаяся взрывами звучного, раскатистого хохота. А где-то во дворе вдруг слышался резкий глухой треск, и ввысь с уханьем и свистом взмыли

ослепительные золотистые огни, озарив на мгновение чёрное небо.

Слушая поневоле эти разнообразные, очевидно, не доставлявшие ему особого удовольствия звуки, Кирилл хмурился, кривил губы и то открывал, то снова закрывал глаза, словно пытался забыться сном. Затем, видимо утратив надежду на это, окончательно открыл их и бессмысленно уставился перед собой. Мысли его при этом, по-видимому, витали где-то очень далеко, за пределами этой комнаты и этого дома, и были, судя по его нахмуренному лбу и безучастному, потухшему взору, обращённым в никуда, по-прежнему не слишком отрадными и обнадеживающими.

И опять они были прерваны продолжительным и настойчивым телефонным звонком. Повторилась и реакция Кирилла. Он поморщился, скосил глаза на мерцавший и громко трезвонивший мобильник и, увидев то же имя, и не подумал ответить.

Ещё немного пошумев, телефон затих. На какое-то время установилась тишина, воспользовавшись которой, Кирилл вновь прикрыл глаза и попытался погрузиться в уже привычное ему мрачное раздумье. Но ему опять помешали – за стеной раздался дружный взрыв смеха, сопровождавшийся пронзительными мужскими и женскими голосами, звоном посуды и шумом сдвигаемых стульев.

Кирилл недовольно скривился, пробурчал что-то себе под нос и, вероятно поняв, что забыться хотя бы кратковремен-

ным сном ему этим вечером, скорее всего, не удастся, с усилием оторвал голову от подушки. Некоторое время он сидел, не шевелясь, воззрившись перед собой и невольно прислушиваясь к гаму и говору у соседей. Затем, не оглядываясь, пошарил рукой вокруг себя и, нащупав пульт, включил телевизор. Несколько минут тем же отрешённым, будто невидящим взглядом смотрел в загоревшийся экран, где беспорядочно мелькали, суетились, кривлялись, точно марионетки, какие-то подвижные, пёстро разодетые фигуры. Потом, как и прежде, глубоко и протяжно вздохнул, отбросил пульт в сторону и расслабленно откинулся на спинку дивана, вновь опустив веки и свесив голову на грудь.

По-прежнему из соседней квартиры неслись многоголосье гомон и смех, с улицы время от времени долетали зычные выкрики ночных гуляк и трескучие взрывы петард, телевизор извергал из себя не прекращавшуюся ни на мгновение музыку и пение. Но Кирилл, казалось, ничего этого больше не слышал. Или не хотел слышать. Он как будто в самом деле уснул или настолько погрузился в себя и свои мысли, что это было сродни забытью.

Глава 2

Очнулся он от звонка. Но на этот раз не телефонного: звонили в дверь. Кирилл открыл глаза, опять проворчал что-то сквозь зубы и, не без усилия оторвавшись от спинки дивана,

с тяжким вздохом поплёлся открывать.

На пороге стоял круглолицый розовощёкий парень среднего роста, одетый в плотную кожаную куртку и джинсы. Лицо его раздумянилось – то ли от быстрого движения, то ли от лёгкого морозца, дыхание которого он принёс с собой с улицы, то ли ещё от чего-то; голова и плечи были припорошены снегом; в руке он держал наполненный чем-то объёмистый пакет. Он пристально, словно изучая, посмотрел на Кирилла и не то вопросительно, не то утвердительно произнёс:

– Жив?

– Привет, Лёх, – не отвечая, вялым, безразличным голосом проговорил Кирилл и отступил на шаг, пропуская нежданного гостя в прихожую.

Тот не стал медлить: стащил с головы шапку и стряхнул с неё снег, бережно положил пакет на обувную полку и, растёгивая на ходу куртку, решительно двинулся в гостиную. Кирилл, ссутулившись и по-прежнему немного хмурясь, последовал за ним.

Оказавшись в комнате, Лёха скользнул рассеянным взглядом по нарядной сверкающей ёлке, прежде всего бросавшейся в глаза, и сразу же перевёл его на накрытый стол. Его лицо расплылось в довольной улыбке.

– Ого! Ты, я вижу, времени даром не терял, – сказал он, обернувшись к Кириллу и выразительно кивнув на стол. – И хавчик, и выпивка тут. Всё чин чинарём! Что, ждёшь кого?

Кирилл, остановившись в дверях гостиной и сложив руки

на груди, ничего не сказал. Только слегка двинул плечами.

В этот момент в соседней квартире грянул очередной раскат смеха, сопровождаемый беспорядочным гулом голосов.

– О, вот это по-нашему! – одобрительно тряхнул головой Лёха, и лицо его озарилось жизнерадостной улыбкой. – Оттягивается народ как надо быть! Скоро и мы будем так же.

Вслед за этим, заметив лежавший на краю стола мобильник, он опять с вопросительным выражением повернулся к хозяину.

– А телефон почему не брал? Я несколько раз тебе звонил, пока по городу бегал. Даже беспокоиться стал, не случилось ли чего... Ты дрыхнул, что ли?

Кирилл вновь промолчал. Лишь чуть скривился и неопределённо мотнул головой.

Не смущаясь молчанием хозяина и оказанным ему довольно прохладным приёмом, гость усмехнулся, скинул с себя куртку и бросил её на кресло, а сам уселся на диван, на котором только что лежал Кирилл.

– Ф-фу, ну и снег на улице валит – в пяти метрах ничего не видно! – промолвил он, опять пробежав по комнате беглым взглядом и снова задержав его на уставленном яствами столе. – Таких сугробов навалило – в человеческий рост! Я еле добрался до тебя, устал... А ты словно и не рад этому, – покосился он на Кирилла с выражением притворной обиды. – Молчишь, рожу кривишь, будто враг к тебе пришёл.

– Нет, почему же, я рад, – выдавил из себя Кирилл и даже

чуть-чуть улыбнулся. – Очень рад.

– Да-а? – с сомнением протянул Лёха и ещё раз внимательно взгляделся в хмурое лицо приятеля. – Что-то незаметно. Такое ощущение, что ты не на гулянку собираешься, а на бабушкины похороны.

Кирилл оторвался от дверного косяка, медленно вышел на середину комнаты и, по-прежнему держа руки скрещёнными на груди, вполголоса, с расстановкой произнёс:

– А я никуда и не собираюсь. Ни на какую гулянку. Лёха удивлённо, будто не понимая, воззрился на него.
– То есть как?

Кирилл чуть передёрнул плечами.

– Да вот так. Не пойду никуда, и всё тут. Дома останусь. Лёхино недоумение возросло ещё больше.

– Почему?

Кирилл не ответил. Наморщил лоб, неопределённо качнул головой и, со вздохом опустившись в кресло, устремил неподвижный взгляд в телевизор.

Гость перевёл взор в том же направлении, на мгновение задумался и немного погодя задал новый вопрос:

– И где ж ты собираешься встречать Новый год?

– Я уже сказал тебе: дома, – прежним негромким, бесстрастным голосом промолвил Кирилл.

Лёха недоумённо огляделся по сторонам.

– Здесь?

Кирилл молча кивнул.

– А с кем? – продолжал допытываться Лёха.

– Один.

Лёха посмотрел на приятеля так, словно перед ним был сумасшедший, и ненадолго умолк, точно обдумывая услышанное. Затем с недоверчивым видом покачал головой.

– Нет, тут что-то не так. Ты явно чего-то не договариваешь.

Кирилл вновь предпочёл ответить молчанием, не глядя на собеседника и делая вид, будто смотрит телевизор.

Однако неугомонный гость не собирался оставлять, видимо, заинтересовавшую его тему и, буравя безмолвствовавшего товарища острым, испытующим взором, говорил, как и прежде, с удивлением в голосе и выражении лица:

– Не-э, это ты чё-то не то надумал. Это фигня какая-то! Мы же каждый Новый год всей нашей компанией собираемся у кого-нибудь на хате и отрываемся по полной программе... Башка, конечно, трещит после этого несколько дней, но это ничего, это мелочи. Главное – чтоб праздник удался, чтоб было потом что вспомнить. Это ж давно у нас повелось, ещё со школы. Вроде традиция уже. Грех нарушать её без видимой причины...

Лёха ещё раз окинул взглядом просторную гостиную и широко улыбнулся, будто охваченный приятными воспоминаниями.

– Год назад мы ж как раз у тебя собирались, вот здесь. Помнишь, как оттянулись тогда? Как клёво было! Только ча-

сам к пяти уgomонились, потому что сил уже не было. Я прям на полу заснул, вон там, возле ёлки, – он указал в угол комнаты, на небольшое пустое пространство между ёлкой и стоявшим у стены креслом. – Как отрубился, так и проспал почти до обеда. Потом очухался, освежился немного – и понеслось дальше...

Лёха на минутку зажмурил глаза, словно заново переживая сладостные прошлогодние ощущения. Но затем, протяжно вздохнув, вернулся к настоящему и продолжил серьёзным, деловым тоном:

– А сегодня, значит, у Ильи собираемся. Тоже, думаю, круто будет. Илюша, я уверен, в грязь лицом не ударит, организует всё по высшему разряду. Как в лучших домах... Так что брось ты, Кирюх, дурака валять, одевайся давай и поехали к Илюхе. Сейчас около девяти, народ там, наверно, уже подтягивается. Ну и нам с тобой пора. Погнали! – Он решительно тряхнул головой и привстал с места, видимо ожидая, что приятель, убеждённый его рассуждениями, последует его примеру.

Этого, однако, не произошло. Кирилл даже не шевельнулся и, точно не слыша красноречивого гостя, как и прежде, с пасмурным, непроницаемым лицом продолжал глазеть в телевизор.

Но такая холодная реакция – или, вернее, отсутствие всякой реакции – не обескуражила его настырного товарища. Переведя дух и подавшись немного вперёд, он заговорил с

ещё большим жаром:

– Ну объясни мне, что ты будешь делать тут один? Смотреть по ящику тупые «огоньки» и слушать, как за стеной гуляют соседи? Грандиозная программа! Когда мне будет лет шестьдесят, я, наверно, именно так и буду отмечать Новый год. Но не раньше! Сейчас я хочу отрываться, гудеть и фестивалить на всю катушку! Получать от жизни удовольствие...

– Да отрывайся ты сколько хочешь! – нарушил наконец своё молчание Кирилл, сделав нетерпеливое движение. – Кто тебе мешает? А меня оставь, пожалуйста, в покое. У меня нет сегодня настроения.

Лёха раскинул руки и в упор уставился на приятеля.

– А почему у тебя нет настроения? В чём дело? Что случилось? Праздник на дворе, Новый год! Все гуляют, веселятся, бухают, и только ты сидишь один, как сыч, и пялишься в телик. У него, видите ли, нет настроения! А почему? Какая причина? Я что-то не догоняю. Ты б, может, объяснил, а то как-то странно всё это. Если не сказать больше...

– Хватит, Лёха, – произнёс Кирилл, вновь раздражённо дёрнув рукой. – Повторяю тебе ещё раз: я никуда не пойду. Буду встречать Новый год дома, один. Это решено! Так что давай не будем продолжать, закроем эту тему.

Встретив такой решительный, хотя и сдержанный с виду, отпор и поняв, что своими уговорами и увещаниями он ничего не добьётся и лишь даром потратит время, а также то, что у скверного настроения его приятеля есть, очевидно, ка-

кая-то важная и серьёзная причина, о которой он почему-то упорно не желает говорить и, скорее всего, не откроется даже лучшему другу, – по крайней мере, в данный момент, – Лёха разочарованно вздохнул, взлохматил свои густые рыжеватые волосы и махнул рукой.

– Ну, как знаешь. Дело твоё.

И совсем тихо, будто обращаясь к самому себе, пробормотал:

– Но всё-таки странно это как-то. Непонятно...

Кирилл не откликнулся, и между ними на какое-то время воцарилось безмолвие, нарушаемое невнятными сумбурными звуками, издаваемыми телевизором, и то замиравшим, то вновь нараставшим гомоном, доносившимся от соседей. Кирилл с мрачным, замкнутым видом, нахмутив брови и поджав губы, неподвижно смотрел перед собой, точно куда-то в пустоту. Гость же, являвший собой полную противоположность хозяину, наоборот, находился в непрерывном движении – беспокойно ёрзал по дивану, бегло озирался кругом, шумно вздыхал и отдувался, явно тяготясь вынужденным бездействием и затянувшимся молчанием.

Наконец он остановил свой блуждающий взор на стоявшем перед ним праздничном столе, уставленном разнообразными блюдами, и, потянув носом исходившие от них приятные, возбуждавшие аппетит запахи, с томной улыбкой проговорил:

– Что-то побегал я по городу, так проголодался малость.

А у тебя тут такое изобилие! Аж слюнки текут.

Кирилл покосился на него, чуть помедлил, будто обдумывая что-то, и небрежно обронил:

– Угощайся.

Бойкий гость, не обратив внимания на кислую мину и прохладный тон хозяина, пробежал глазами по столу, выбирая, что бы отведать в первую очередь, и, поколебавшись самую малость, потянулся к тарелке, на которой были аккуратно, в определённом порядке, разложены бутерброды с чёрной икрой.

– Вообще-то я с некоторых пор предпочитаю красную, – вполголоса проговорил он, взяв бутерброд и, прежде чем приступить к делу, внимательно, точно любуясь, оглядев его. – Но и это сойдёт на худой конец. Дарёному коню в зубы не смотрят.

В мгновение ока съев – или, вернее, проглотив – бутерброд, он облизнулся, причмокнул губами и после короткого раздумья одобрительно кивнул.

– Ладно, это тоже ничего. Годится! – И потянулся за следующим.

В этот момент Кирилл, то рассеянно смотревший в телевизор, то периодически хмуро поглядывавший на угощавшегося гостя, вдруг будто поперхнулся и несколько раз хрипло кашлянул.

Лёха вскинул на него глаза и промычал что-то с набитым ртом. А затем, прожевав и наморщив лоб, протянул:

– А-а, ты ж, кажется, болел эти дни? Прошло уже, надеюсь? А то ещё подхвачу от тебя заразу, а мне это совсем ни к чему.

– Прошло, прошло, не переживай, – успокоил его Кирилл, криво усмехнувшись.

Лёха равнодушно кивнул и, проглотив ещё пару бутербродов, вновь принялся обозревать загромождённый съестным стол, переходя горящим взором от одного блюда к другому. На этот раз его выбор остановился на салате «оливье», и Лёха, утвердительно качнув головой, стал накладывать его на тарелку.

– Оливье – это, конечно, ужасно банально, – рассуждал он при этом с расслабленной, сытой улыбкой. – Но, что ни говори, вкусно. Это, можно сказать, классика. Какой же Новый год без оливье!.. Ну, и без шампусика, разумеется, – присовокупил он, скользнув внезапно вспыхнувшим взглядом по высокой башнеобразной бутылке с игристым напитком, бывшей главным украшением праздничного стола.

Это зрелище, очевидно, навело его на мысли определённого свойства. Выразительно кивнув на бутылку и проведя кончиком языка по губам, он вкрадчиво произнёс:

– А посерьёзнее у тебя ничего нет? Пропустили бы по стаканчику, подняли себе настроение. А то до двенадцати ещё три часа... Давай, а?

Кирилл отрицательно мотнул головой.

– Не хочу.

– Да ладно тебе, Кирюх, давай дёрнем! – настаивал Лёха, переводя масляный взгляд с собеседника на бутылку и обратно. – Я ж не предлагаю напиваться. По стаканчику – и всё! Чтоб взбодриться маленько, глядеть веселее. Тебе, по-моему, это нужно сейчас гораздо больше, чем мне. А то сидишь вон как в воду опущенный. Просто тошно смотреть на тебя.

Кирилл невесело усмехнулся и слегка кивнул, будто соглашаясь со словами гостя.

– И самое обидное, – продолжал Лёха, не дождавшись от приятеля ответа, – что ты отмалчиваешься, скрываешь что-то, таишь. А я ведь всё-таки кореш тебе, не чужой человек. Наверно, заслуживаю хоть какого-то доверия. Мне далеко не всё равно, что с тобой творится, почему ты сегодня сам не свой, на себя не похож. Молчишь, нос воротишь, на гулянку не хочешь идти. Что это за дела?! Объяснил бы наконец, что стряслось?

Кирилл на мгновение как будто заколебался. Метнул на товарища задумчивый взгляд, нервно постучал пальцами по подлокотникам кресла, пожевал губами, точно собираясь что-то сказать. Однако признание так и не сорвалось с его уст. Вместо этого он скривил их в усталой усмешке и тихим, бесцветным голосом, чуть растягивая слова, проговорил:

– Да, у меня есть коньяк. Хороший, дорогой. Если хочешь, я налью тебе. Но сам не буду, извини.

Лёха, обманутый в своих ожиданиях, разочарованно вздохнул и помотал головой.

– Нет уж, спасибо, – буркнул он, сердито зыркнув на приятеля, – не надо. Что ж я, алкаш, что ли, один пить! Прибеги свой коньяк для более дорогого гостя. Или гости...

Едва произнеся последнее слово, Лёха вдруг оборвал сам себя и, точно осенённый неожиданной догадкой, устремил на Кирилла долгий, пристальный взгляд. Несколько секунд он молчал и лишь морщил лоб, будто усиленно соображая что-то, а затем, видимо в конце концов сообразив, ухмыльнулся и понимающе протянул:

– А-а, я, кажется, догнал наконец, чё с тобой такое!

Кирилл сумрачно взглянул на него и чуть шевельнул губами, но не издал ни звука, по-видимому ожидая, чтобы не в меру догадливый гость высказался до конца.

Тот выдержал многозначительную паузу и, не переставая усмехаться, полувопросительно-полуутвердительно произнёс:

– Это из-за Сашки, да?

Губы Кирилла едва заметно вздрогнули, брови медленно сдвинулись, лицо насупилось ещё больше и даже как будто побледнело. Он ещё некоторое время хмуро смотрел на приятеля и слегка кривил рот, как если бы готовился сказать что-то. Но вновь не обмолвился ни словом, лишь передёрнул плечами и отвернулся.

Однако проницательному – или, вернее, осведомлённому кое о чём – гостю, похоже, всё было ясно и без слов. Довольный своей сообразительностью, он усмехнулся ещё шире и,

не сводя с друга пронизывающего взора, стал развивать свою мысль:

– Ладно, можешь не отвечать. И так всё понятно. Данила рассказал мне на днях, как ты поцапался с ней у него на дне рождения и как она при всех съездила тебе по роже. Я, правда, не понял хорошенько, из-за чего у вас там случился этот сыр-бор... Но это и не моё дело, – прибавил он и отвёл глаза в сторону.

Вероятно, Лёха решил проявить деликатность и не развивать дальше тему, явно болезненную для его товарища. Но хватило его ненадолго, минуты на две, не больше. После чего он опять впился в Кирилла пронзительным, чуть смеющимся взглядом и мягким, задушевным тоном заговорил:

– Но я думал, что всё уже утряслось, что вы помирились. Недели две ведь прошло с тех пор... А у вас, оказывается, эта бодяга продолжается. Что, неужели всё так серьёзно?

Кирилл, как и следовало ожидать, опять промолчал. Лишь глухо бормотнул что-то и упёрся угрюмым взглядом в телевизор.

Лёха же, видимо не слишком нуждаясь в его разъяснениях, самостоятельно – и явно не без удовольствия – продолжал свои умозаключения:

– Так, значит, вот из-за чего ты сидишь тут один, никуда не хочешь идти и даже на звонки не отвечаешь. Ну что ж, теперь всё понятно. Ясно как божий день! А я-то думаю, куда это Кирюха пропал, будто сквозь землю провалился? Ска-

зал кто-то, что заболел, мол, лежит с высокой температурой, чуть ли не в жару. Вижу я теперь, что это за жар!

Он на мгновение остановился и ещё раз окинул недвижимо, безмолвного приятеля упорным, нагловатым взглядом. Потом машинально бросил себе в рот немного салата, запил его соком и, облизнув губы, повёл свою речь дальше:

– А я уж думал, что ты лежишь тут пластом, в горячке, при последнем издыхании. Всё хотел навестить тебя, да как-то времени не хватало. То туда надо было, то сюда, как обычно перед Новым годом. Ты, надеюсь, не в обиде на меня за это? – Вопросительно посмотрев на друга и в очередной раз услышав в ответ молчание, Лёха насмешливо осклабился и, сохраняя на лице такое выражение, продолжал: – Но вот сегодня я, наконец, добрался до тебя. И что же я вижу? Кореш телом жив-здоров, но пребывает в глубокой депрессии. И ещё неизвестно, что хуже: валяться с сорока градусами или вот так вот страдать... от любви.

– Ничего я не страдаю, – подал наконец голос Кирилл, и на его бледном лице вспыхнул лёгкий румянец. – Ни от какой любви! Чё ты выдумываешь! С чего ты взял?

Лёха с недоумённо-дурашливой гримасой развёл руками.

– А как же прикажешь тебя понимать? Ты сидишь весь вечер повеся нос, с убитым видом, сам на себя не похож, молчишь, будто язык проглотил, отказываешься идти на вечеринку. На новогоднюю вечеринку! Согласись, всё это немного странно, если не сказать больше. Ты на моём месте, навер-

но, тоже удивился бы и попытался бы разобраться, в чём тут дело, где собака зарыта. Вот я и пытаюсь. И, судя по твоей реакции, я, очевидно, недалёк от истины, – подытожил он, выразительно понизив голос, и снова пристально воззрился в собеседника, по-видимому всё ещё не теряя надежды добиться от него каких-нибудь любопытных и интригующих признаний.

Однако Кирилл вновь разрушил его надежды. По обыкновению насупившись и поджав губы, он опять отвернулся, уставился пустым, безучастным взором куда-то в сторону и не произнёс больше ни слова, ясно показывая, что не намерен продолжать этот разговор.

И Лёха понял это. С обескураженным и даже как будто немного обиженным видом пожал плечами, провёл потускневшим вдруг взглядом вокруг и, вероятно решив, что ему нечего здесь больше делать, начал прощаться.

– Ну что ж, спасибо этому дому – пойдём к другому, – сказал он, допив сок и в последний раз взглянув на богатый стол, достоинствам которого вынужден был отдать должное. – Хорошо у тебя, конечно, уютно, сытно, но как-то скучновато. А я скучать не привык, тем более в новогоднюю ночь. Так что извини, дружбан, но я пойду туда, где веселее. А тебе – счастливо оставаться. С наступающим!

Он поднялся с дивана и стал одеваться. Кирилл, непонятно, довольный уходом гостя или по-прежнему равнодушный ко всему, – по его безразличному, лишённому определённо-

го выражения лицу трудно было уловить это, – тоже встал с кресла и остановился в ожидании.

– А может, всё-таки передумаешь, – проговорил Лёха, застёгивая «молнию» куртки и значительно взглядывая на товарища. – Может, поедem к Илюхе вместе. Ну ты сам рассуди: ведь это ж хрень какая-то – остаться на Новый год одному, провести эту ночь перед «ящиком»? Ты ж через пару часов взвоешь от тоски и горько пожалеешь, что не послушался меня и из-за дурацкого упрямства испортил себе праздник. Лучший праздник в году! Ты ведь не кому-нибудь, а прежде всего себе хуже сделаешь. Там, у Ильи, в толпе, в пьяном угаре, твоего отсутствия, скорее всего, и не заметят. Никто о тебе не вспомнит и не пожалеет. Ну, разве что я и, может быть, Сашка... – Он прервался и опять выразительно посмотрел на Кирилла.

Тот стоял перед ним, сложив руки за спиной, сгорбившись и понутив голову. Как и прежде, не произнося ни слова и уставив глаза в пол.

Тогда, видя, что ничего не действует, что все его уговоры и убеждения словно наталкиваются на глухую стену скрытности и упрямства и вдребезги разбиваются о неё, Лёха в заключение решил пустить в ход последний, самый веский, по его мнению, довод.

– Она наверняка тоже будет там, – с особенной интонацией промолвил он, силясь заглянуть в потупленные глаза приятеля. – Сашка! И, очевидно, будет ждать тебя. Вот, по-мо-

ему, отличный случай помириться, снова наладить отношения и оставить все недоразумения и обиды в старом году... Ну так как, едем?

Кирилл помедлил несколько секунд, видимо переживая тяжёлую внутреннюю борьбу. Но, очевидно приняв окончательное решение, поднял голову и негромко, но твёрдо произнёс:

– Нет.

– Ну, как хочешь. Дело хозяйское, – холодно обронил Лёха и, резко повернувшись к нему спиной, направился в прихожую, где быстро обулся, нахлобучил на голову шапку и взял оставленный на обувной полке пакет. Переложив его из одной руки в другую, он улыбнулся и подмигнул Кириллу, вышедшему в прихожую проводить гостя.

– Илья обещал устроить сегодня шикарный фейерверк, – сообщил Лёха и чуть приподнял пакет, словно взвешивая его. – Ну и я решил по мере сил поучаствовать в этом. Вот, захватил несколько петард. Я уже использовал такие в деле. Классно! Полнеба освещает. Треск такой, что уши закладывает... Короче, этой ночью будет очень ярко и шумно... ну, как и положено... Эх, жаль, что ты не увидишь!

И, уже взявшись за ручку двери и приоткрыв её, сказал в заключение, с насмешливым сочувствием поглядев на друга:

– Вот как встретишь Новый год, так его и проведёшь. Поэтому, наверно, народ и отрывается в эту ночь на всю катушку, чтоб потом целый год весело жить. А вот у тебя, судя

по всему, следующий год будет ну о-очень скучный. Просто тоска зелёная! Но ничего не поделаешь, ты сам этого захотел... Эх, Кирюха, дурак ты дурак! – со значением вымолвил Лёха напоследок и, выскочив за порог, со смехом побежал вниз по ступенькам.

Глава 3

Проводив непрошеного гостя, Кирилл вернулся в комнату и остановился напротив телевизора. Некоторое время стоял на месте в нерешительной позе, ссутулив плечи и медленно ворочая головой из стороны в сторону, будто в сомнении, что делать дальше. Затем, тяжело вздохнув и беззвучно шевеля губами, двинулся в спальню, где, отстранив край плотной занавески, выглянул в окно.

Снег, казалось, пошёл ещё сильнее; сквозь густо падавшие хлопья практически ничего не было видно. Крупные белые пушинки, напоминавшие кусочки ваты, бессчётными, неисчерпаемыми массами падали с неба на убелённую, притихшую землю, где один за другим росли, ширились и округлялись огромные, похожие на пологие холмы сугробы. И даже яркая праздничная иллюминация и время от времени взмывавшие ввысь ракеты не в состоянии были рассеять эту движущуюся, точно живую, серовато-белесую пелену, объевшую всё видимое пространство, а может быть, и всю землю от края до края.

Кирилл неподвижно смотрел в эту шевелящуюся, почти непроницаемую снежную мглу, за которой лишь очень смутно угадывались массивные тёмные контуры стоявших напротив домов и слабо вспыхивали светящиеся окна. И чем дольше он смотрел, тем дальше уносились его мысли и тем отчётливее и яснее, будто въяве, начинал он различать в плотном вихре летящих и кружащихся снежинок чьи-то нежные, печальные, невыразимо прекрасные черты. Такие знакомые, родные для него. Единственные на свете...

Кирилл, широко распахнув глаза, вглядывался в них всё внимательнее и напряжённее, не мигая, не шевелясь, опасаясь, что малейшее его движение может спугнуть явившееся ему видение. Лишь сердце, – и с этим он ничего не мог поделать, – всё учащённее и взволнованнее билось в груди, чутко отзываясь на переживаемое им.

Из-за окна, из мглистой белесой глубины, на него смотрели огромные, ясные, подёрнутые лёгкой влагой серо-голубые глаза, в которых угадывались одновременно и внимание, и мягкий укор, и тихая грусть. Эти блестящие выразительные глаза, задумчивые и как будто слегка затуманившиеся, прежде всего выделялись на красивом, немного бледном лице с тонкими, изящными чертами, обрамлённом длинными пышными волосами золотистого цвета, оттенявшими белизну и прозрачность кожи. Оно было спокойно, умиротворённо, почти бесстрастно, точно соткано из морозного воздуха и мельтешивших вокруг хлопьев снега; не представлялось воз-

можным определить его выражение; и лишь какая-то тайная, напряжённая мысль едва угадывалась в чуть нахмуренном лбе и немного изогнутых бровях-ниточках.

Кирилл пристально, затаив дыхание, как замороженный, смотрел в грустное, задумчивое лицо, неожиданно явившееся ему из зыбкой снежной мути. И невольно вспоминал, где, когда, при каких обстоятельствах он увидел его впервые. Память вначале понемногу, а затем всё быстрее стала увлекать его в прошлое, стремительно проносясь вспять день за днём, месяц за месяцем, всё дальше и дальше, пока наконец не унеслась на полтора года назад и не остановилась на одном жарком летнем вечере, с которого всё и началось...

Это была обычная, ничем не примечательная вечеринка, он уже не помнил, у кого и по какому поводу. Музыка, выпивка, смех, случайные гости, многих из которых Кирилл видел впервые. Громкие и бессвязные – и по мере того как народ угощался, всё более громкие и всё менее вразумительные – разговоры, в которых он почти не участвовал, так как выпил совсем немного и не находил интересным присоединять свой голос к сумбурной пьяной болтовне, гремевшей вокруг. В общем, вечеринка ему не понравилась, он чувствовал утомление и скуку и уже подумывал о том, чтобы, не дожидаясь её окончания, уйти домой.

Когда он вспоминал после этот оказавшийся для него судьбоносным вечер, ему становилось порой страшно при мысли, что он действительно мог уйти оттуда раньше време-

ни и не встретить её. Что они могли пройти мимо друг друга, разминуться и жить дальше, даже не подозревая о существовании один одного. Возможность такого развития событий не укладывалась в его голове. Это было слишком невероятно, нелепо, абсурдно! Нет, они просто не могли не встретиться. Они были обречены на эту встречу. Они должны были быть вместе...

Почти в ту самую минуту, когда он собирался встать и потихоньку, ни с кем не прощаясь, удалиться, в комнате вдруг появились две новые гости. Блондинки. Обе симпатичные, стройные, со вкусом одетые, благоухающие сладким парфюмом. Одна рослая и статная, другая – невысокая, хрупкого, миниатюрного телосложения.

Но, несмотря на то что высокая блондинка была очень хороша собой и ничем не уступала спутнице, Кирилл почти не обратил на неё внимания, лишь скользнул пару раз беглым оценивающим взглядом. Всё его внимание сразу же поглотила вторая девушка – яркая пышноволосая красавица с большими лучистыми глазами, нежным, правильным овалом лица и грациозной, точёной фигурой, подчёркиваемой короткой обтягивающей юбкой. Едва увидев её, заглянув в её милое, озарённое мягкой улыбкой лицо, по достоинству оценив её изящество и безупречную статью, он уже не мог оторвать от неё глаз и чем дальше, тем напряжённее и пристальнее смотрел на прекрасную незнакомку, замирая от волнения и внезапно вспыхнувшего желания. Он с трудом отдавал себе

отчёт в том, что с ним происходит, понимая лишь, что происходит что-то важное, особенное, серьёзное, то, что, скорее всего, будет иметь для него далеко идущие последствия. А может быть, и не только для него...

Его внимание было таким настойчивым и явным, что его трудно было не заметить. И девушка очень скоро заметила и на несколько секунд задержала на нём рассеянный, лишённый определённого выражения взгляд.

Их взоры встретились. И, впервые всмотревшись в прозрачную глубину её светлых сияющих глаз, спокойно и как будто безразлично взглянувших на него, он почувствовал, что у него спёрло дыхание, учащённо забилося сердце, а по телу пробежала мелкая дрожь. Была ли это любовь с первого взгляда или что-то близкое к этому, он не знал, да и не имел в тот момент желания и времени разбираться в этих тонкостях и заниматься анализом своих чувств. Он только отчётливо сознавал, что эта стройная, как тростинка, золотоволосая красавица, едва появившись здесь и лишь раз взглянув на него своими ясными лазоревыми глазами, мгновенно покорила его и безраздельно овладела его мыслями, моментально вытеснив из них всё, что там было ещё минуту назад, и властно направив их в одно, вполне определённое русло.

На мгновение остановив на нём мимолётный равнодушный взгляд, незнакомка отвела глаза и больше уже не смотрела в его сторону, занятая разговором с подругой и другими гостями, очевидно, хорошо знакомыми ей. Кирилл же про-

должал пожирать её глазами, не в силах отвести их от неё и чувствуя, как у него начинает слегка кружиться голова, как всё чаще бьётся сердце и усиливается дрожь, точно при ознобе. Он старался успокоиться, взять себя в руки, стряхнуть это неожиданное и странное наваждение, случившееся с ним едва ли не впервые в жизни. Во всяком случае, он не мог припомнить ничего подобного; даже в ранней юности, в пору первых увлечений и влюблённостей, всё было, как ему казалось, гораздо спокойнее, проще и грубее. И вдруг такое...

В конце концов он всё же собрался, взял волю в кулак и решил, что единственная возможность преодолеть это не совсем нормальное и крайне непривычное для него состояние – это от мыслей и взглядов перейти к делу, сбросить с себя внезапно овладевшее им оцепенение и, не теряя времени даром, познакомиться с неизвестной ему красоткой, произведшей на него такое исключительное, ошеломляющее впечатление, какого, кажется, не производила на него ещё ни одна девушка.

Однако, несмотря на принятое решение, он отчего-то медлил. Тяжело вздыхал, покачивал головой, ёрзал на стуле, выпил для храбрости бокал красного вина. Но храбрее не стал: продолжал, как прикованный, сидеть на месте, маяться, томиться и бросать жгучие, пылающие взоры на предмет своих желаний, так нежданно-негаданно вспыхнувших в нём и в считанные мгновения захлестнувших его широкой горячей волной.

Выйти из состояния тягостной нерешительности и затор-
моженности и начать наконец действовать заставила его са-
ма незнакомка. Прервав разговор с гостями, она вместе со
своей подругой вдруг поднялась из-за стола и направилась к
выходу.

И только тогда Кирилл очнулся. Сообразив, что если она
сейчас уйдёт, а он так ничего и не предпримет, то, возмож-
но, никогда больше не увидит её, он, коротко выдохнув, со-
рвался с места и последовал за покинувшими гостиную де-
вушками.

Его опасения оказались напрасны: прекрасные гости и
не думали уходить. Он обнаружил их на кухне, где они раз-
говаривали с Лерой, одnogруппницей Кирилла, курившей у
раскрытого окна. Заметив остановившегося на пороге кухни
Кирилла, она взмахом руки подозвала его. Он на секунду за-
мялся, и разбитная, бойкая на язык Лера, громко рассмеяв-
шись, позвала его по имени, прибавив, по своему обыкнове-
нию, несколько крепких словечек.

Отступать было некуда, и он, проглотив застрявший в гор-
ле комок и даже слегка побледнев, приблизился к девуш-
кам и, выдавив на лице ненатуральную улыбку, пробормо-
тал глухое «привет». Лера представила их друг другу. Вы-
сокую блондинку звали Яна, а её подругу, сразившую своей
красотой Кирилла, Саша. Теперь он стоял рядом с ней, по-
чти касаясь её плечом, смотрел прямо в её лицо, слушал её
голос. Лицо было тонкое, свежее, живое, с чуть-чуть, самую

малость вздёрнутым носом, узенькими дугообразными бровями, гладкой матовой кожей, тронутой лёгким румянцем, с ямочками на щеках, появлявшимися всякий раз, когда она улыбалась. А голос негромкий, мягкий, чуть растягивающий слова, с едва уловимой картавинкой.

Кирилл, не отрываясь, как околдованный, смотрел в её лицо, с каждой минутой казавшееся ему всё более прекрасным, – и не мог насмотреться, слушал её голос – и не мог наслушаться, скорее чувствуя, чем понимая, что стремительно проваливается в какой-то глубокий тёмный омут, из которого, вероятнее всего, ему уже не выбраться. Но он и не собирался выбираться из него, он был в восторге от переживаемых им ощущений, он хотел в тот момент лишь одного: чтобы они продолжались как можно дольше, чтобы он до бесконечности мог смотреть в это ясное, будто озарённое чудесным внутренним светом лицо и слушать этот волшебный, завораживающий голос.

Что говорил тогда он сам, он уже плохо помнил. Да и нечего было, собственно, помнить: основной разговор шёл между девушками, а он лишь вставлял время от времени короткие малозначащие реплики, продолжая чувствовать некоторую скованность и вообще-то не очень характерную для него неуверенность в себе.

Однако довольствоваться такой пассивной ролью в беседе ему пришлось не слишком долго, так как минут через пять после её начала к ним подошёл какой-то не знакомый ему

слегка поддатый парень, бесцеремонно вмешался в разговор, нагородил всякой чепухи, после чего, взяв Леру и Яну под руки, с оглушительным идиотским хохотом увлёк их за собой в гостиную.

Саша же, совершенно неожиданно для Кирилла, не ушла вместе с ними, а осталась рядом с ним. Это было настолько неожиданно для него, что он поначалу совсем растерялся и не мог от волнения вымолвить ни слова. Вздыхал, покашливал, переминался с ноги на ногу, бросал вокруг озабоченные взгляды, словно в поисках помощи. Но помочь ему было некому: кроме них двоих, на кухне никого больше не было, все гости в этот момент собрались в большой комнате, откуда доносился несмолкаемый гул голосов и всплески смеха.

Не знакомый с ним человек, не знавший о его репутации дамского угодника и о его впечатляющих достижениях в этой сфере, мог бы, наверно, заключить, судя по его поведению в эти мгновения, что он первый раз в жизни остался наедине с красивой девушкой. Что думала о нём в ту минуту сама девушка, он, к счастью для себя и своего самолюбия, не знал, но догадывался, заметив тонкую снисходительную усмешку, показавшуюся на её губах.

Именно эта насмешливая и даже, как он без особых на то оснований вообразил, пренебрежительная улыбка, появившаяся на лице, в которое он был уже почти влюблён, и решила исход дела. Она обожгла его, как раскалённое железо. Он мог вынести от девушки, тем более той, которая нрави-

лась ему, всё что угодно, кроме насмешки и пренебрежения.

Кровь в нём вскипела, в горле словно что-то булькнуло, и он, преодолевая чуть заметную дрожь в голосе, наконец заговорил. И, как это часто бывало с ним, едва начав, уже не мог остановиться. Его точно прорвало. Нужные слова, перед тем как будто попрятавшиеся куда-то, теперь приходили на язык сами собой, без всякого усилия с его стороны. Он буквально сыпал ими, болтал без умолку, трещал не останавливаясь, не особенно задумываясь над тем, что он говорит, по опыту зная, что в подобных случаях это не так уж и важно.

И это сработало: она слушала его. Поначалу довольно безразлично, с прохладным, немного рассеянным видом, сохраняя на лице сдержанно-выжидательную улыбку. Но затем, по мере того как он говорил, всё более внимательно, заинтересованно. Улыбка не исчезла с её губ, но стала более мягкой, дружелюбной, словно ободряющей; глаза задерживались на нём со всё большим вниманием и, как хотелось ему думать, симпатией; она кивала, когда он произносил то, с чем, вероятно, она была согласна, и пару раз усмехнулась его более-менее остроумным шуткам.

Всё это – её внимание, её улыбка, её устремлённые на него большие сияющие глаза – ободряло, заводило, возбуждало его. Так неожиданно скоро оказавшись наедине, в довольно интимной обстановке, с той, чья красота и очарование поразили его как громом, мгновенно выведя из равновесия и лишив покоя, он, после небольшой досадной заминки,

почувствовал необычайное вдохновение, прилив сил, готовность на всё, лишь ненадолго покинувшие его под влиянием первоначального шока от встречи с неизвестной красавицей. Вновь обретя свойственные ему уверенность в себе, настойчивость и дерзость, помноженные на природное обаяние и неплохие внешние данные, он приступил к ней вплотную, заглянул прямо в её огромные, глубокие как море глаза, в которых он тонул всё безнадежнее, и, повысив голос, заговорил с ещё большим пылом и красноречием...

А через пару часов, после окончания вечеринки, он проводил её домой – в первый, но далеко не в последний раз. И теперь говорил уже не только он, но и она, рассказывая о себе, своих интересах и увлечениях, друзьях и подругах. А он с наслаждением слушал её неторопливый, приглушённый, всё сильнее околдовывавший его голос.

И затем, когда он уже в одиночестве шёл по пустой ночной улице, думая о своей новой знакомой, то и дело с удовольствием повторяя на разные лады её имя и с приятным волнением представляя себе их следующее свидание, о котором они договорились при прощании, ему казалось, что он не идёт, а летит, что за плечами у него выросли крылья, что в нём заключена невероятная, сверхъестественная мощь и нет практически ничего, что было бы ему сейчас не по силам. И всё время видел перед собой её лицо – то улыбающееся, то чуть задумчивое, то весёлое, то как будто немного грустное – и устремлённые на него внимательные, выразительные, та-

ящие в себе что-то глаза...

Глава 4

Сверкающая красная ракета, озарив лицо Кирилла мрачным багровым отсветом, пронзительно шипя и потрескивая, пронеслась невдалеке от окна и, стремительно взмыв в небо, ослепительно вспыхнула и рассыпалась там снопом розовато-оранжевых искр, от которых через мгновение не осталось и следа. Её короткий, но яркий и шумный полёт сопровождался громкими восторженными воплями, доносившимися из расстилавшейся у подножия дома тьмы.

Звук и сияние взлетающей ракеты и последовавшие за этим крики прервали плавное течение Кирилловых мыслей и вернули его к действительности, весёлой и праздничной для других, скучной и унылой для него. Он равнодушно посмотрел на потухавшие в вышине осколки разорвавшейся петарды, потом бросил рассеянный взгляд на пустынную, укрытую густым белоснежным пологом улицу и, испустив протяжный вздох, медленно побрёл в гостиную. Там после недолгого колебания он снова улёгся на диван и пустым, остановившимся взором уставился в потолок, невольно слушая по-прежнему не утихавшие звуки соседского праздника.

Но спустя какое-то время и эти звуки, и то, что было перед его глазами, стало понемногу бледнеть, заволакиваться дым-

кой и как будто отдаляться. Веки его постепенно смежились, отяжелевшая голова глубже погрузилась в подушку, по телу разлилась ленивая расслабляющая истома. А мысли опять унеслись в прошлое, правда, на этот раз совсем недалёкое, двухнедельной давности. Но ему почему-то казалось, что то, о чём он вспоминал, было очень давно, что с тех пор прошла целая вечность. Для него, во всяком случае, это было именно так, потому что это были первые за истекшие полтора года две недели без неё...

Это, наверное, могло показаться кому-нибудь странным и не совсем обычным, но действительно всё это время, со дня знакомства и до недавнего разрыва, они почти не расставались, старались как можно чаще и дольше быть вместе, в буквальном смысле не могли один без другого жить. Словно какая-то могущественная неодолимая сила, противиться которой немыслимо и бесполезно, после первой же встречи бросила их в объятия друг друга, связала крепкими, нерасторжимыми узами, сплела их тела и души в единое целое.

Они жили в разных частях города, учились в разных вузах, но виделись, за редкими исключениями, ежедневно и свободное время проводили только вместе. Видеть один другого, быть рядом, постоянно чувствовать присутствие, близость друг друга стало для них настоящей жизненной необходимостью. Кирилл, – чего никогда не бывало ранее, при прежних его подругах, – порой забывал даже о своих друзьях, так много значивших для него до этого, и всё реже и

неохотнее, точно по необходимости, посещал их совместные мероприятия, разного рода гулянки и мальчишники, главным участником и завсегдатаем которых бывал раньше.

Но то было раньше, до встречи с ней. После этого всё стало совершенно иначе. Не сразу, не вдруг. Постепенно, почти незаметно для него. Но наступил наконец такой момент, когда он ясно понял и осознал, насколько он изменился под влиянием этой спокойной, уравновешенной, рассудительной, уверенной в себе девушки с тонкой, едва уловимой улыбкой на губах и глубоким, казалось, проникавшим в самое его сердце взглядом больших лучезарных глаз. Понял, что он совсем не тот, что прежде, не такой, каким был до знакомства с ней, и, очевидно, никогда уже таким не будет. Его жизнь будто разделилась на две части: до и после того, как он увидел, узнал и полюбил её, и он теперь с трудом представлял себе, как мог жить без неё раньше, не видя её каждый день, не чувствуя её рядом, даже не подозревая о самом её существовании.

И в который раз ему приходило на ум, что если бы он преждевременно, до её появления, ушёл с той памятной, так круто изменившей его жизнь вечеринки, или если бы она по какой-либо причине не пришла туда в тот вечер, они, вполне возможно, никогда бы не встретились. И так и не узнали бы друг друга, прошли бы мимо один одного. И ничего в их жизни не поменялось бы, всё осталось бы по-прежнему...

Но всякий раз он прогонял эту глупую, вздорную мысль

и даже внутренне усмехался тому, что она могла прийти ему в голову. Конечно же, это было невозможно! Они не могли не встретиться. Не могли не узнать и не полюбить друг друга с первого же взгляда. Так было им суждено, написано на роду. Сама судьба, как ему представлялось, вела их навстречу один одному какими-то заповедными, неведомыми им путями, и их встреча была совершенно закономерна, неизбежна, предрешена.

Ему было с ней так хорошо, легко, уютно, как не было ни с одной из девушек, с которыми он был близок прежде. Может быть, потому, что он стал немного старше, взрослее, серьёзнее, и чувства его сделались острее и глубже, и от любви он ожидал теперь уже не то, или, вернее, не только то, что ждал от неё раньше. Наверное, и поэтому, однако прежде всего потому, – он был убеждён в этом и, скорее всего, не ошибался, – что девушка на этот раз была особенная, заметно отличавшаяся от прежних его подруг. Чем именно она отличалась от них, в чём была её особенность и неповторимость, – и была ли вообще или существовала лишь в его возбуждённом, ослеплённом страстью воображении, – он не мог бы толково и связно объяснить, да и не пытался делать это. Для него это была просто очевидная, неоспоримая истина, данность, почти догма, не требующая доказательств и подтверждений, исключаяющая малейшие сомнения и колебания.

Он с неослабным вниманием и любопытством присматривался к ней, наблюдал, вглядывался в неё, как в необъят-

ное бездонное море, хранящее в своей тёмной непроницаемой глубине неисчислимые, никем не изведенные тайны. И едва ли не каждый день открывал в ней что-то новое, яркое, интересное, неуловимое и интригующее, чего не замечал прежде, что до этого ускользало от него. Она была для него точно огромная захватывающая книга, читать которую не наскучит никогда, на каждой странице которой находишь что-то неожиданное, поразительное, завораживающее, влекущее всё дальше и дальше. И он, очарованный и покорённый этой удивительной девушкой, изучал её всё пристальнее, погружался в неё всё глубже, словно в топкий сумрачный омут, манящий и одновременно немного пугающий, из которого, как ни барахтайся, как ни трепыхайся, нет никакой возможности выбраться. А главное – нет такого желания: кто попал в этот омут хоть раз, тому уже не хочется вырываться из сладкого плена. Напротив, хочется, чтобы он длился как можно дольше. Если возможно, целую вечность...

Но всё же, как ни внимательно он исследовал её, как ни много уже знал о ней и продолжал узнавать, кое-что, однако, по-прежнему ускользало от него. Как он предполагал, что-то очень важное, существенное, может быть, самое главное в ней, что таилось в самых далёких, укромных, недоступных для него уголках её души и не предназначалось для показа на людях. И что лишь изредка, по временам, от случая к случаю прорывалось наружу в виде загадочных взглядов, сдержанных жестов, двусмысленных фраз. Это озадачивало

и настораживало его, заставляло крепко задумываться и терять покой, порой даже раздражаться из-за невозможности понять её, раскрыть её тайну. Но он вынужден был сдерживать себя, умерять своё любопытство и не пытаться во что бы то ни стало проникнуть в тайники её сердца, справедливо полагая, что, вероятно, для этого не пришло ещё время и что наступит в конце концов момент, когда всё естественным образом, само собой, откроется и он узнает наконец все закоулки и извивы её души так же ясно и отчётливо, как знал черты её лица и изгибы её тела.

А пока что он просто наслаждался каждым днём, проведённым с нею, стараясь не задавать себе ненужных вопросов и не особенно задумываясь над тем, что будет дальше, как станут развиваться их отношения и во что они в конечном итоге выльются. Задавала ли себе подобные вопросы Саша и как она представляла себе их совместное будущее (а в том, что оно будет именно совместное, он до недавнего времени не сомневался ни секунды), он не знал: серьёзного разговора на эту тему у них пока не было, и мнения друг друга по этому поводу оставались им неизвестны. Им просто-напросто было хорошо вместе, точно во время затянувшегося медового месяца, и они не хотели думать ни о чём серьёзном и важном, ни о чём, что могло бы бросить хоть малейшую тень на их безоблачное, ничем не омрачённое счастье, которое, как им казалось, должно было продолжаться вечно. Они были совершенно довольны настоящим и не стремились за-

глядывать в будущее, которое, впрочем, тоже рисовалось им исключительно в радужных красках.

Сегодня они счастливы и полностью удовлетворены своей жизнью, они дышат полной грудью и смотрят на мир широко открытыми сверкающими глазами, как смотрят на него лишь в двадцать лет. И им вполне достаточно этого, ничто, кроме их любви, не занимает и не волнует их, всё остальное представляется им серым, однообразным, лишённым ярких красок, а значит не заслуживающим никакого внимания. А раз настоящее так прекрасно и неповторимо, то нужно наслаждаться им и не тревожить себя мыслями о том, что будет завтра и послезавтра. Нужно пользоваться тем, что они молоды, красивы, любимы, и получать удовольствие от каждой минуты их весёлой, захватывающей, насыщенной яркими переживаниями и страстями жизни, напоминающей дорогую машину, несущуюся на бешеной скорости по убегающему в бескрайнюю даль шоссе. Ветер бьёт в лицо так, что захватывает дух, ничего не слышно от шума в ушах, сердце колотится в груди, душа наполнена восторгом и ощущением беспредельного, невыразимого счастья, льющегося через край, – именно так чувствовали они себя тогда. Особенно в те мгновения, когда были вместе, когда принадлежали друг другу.

Это чувство вспыхнуло в самую первую их встречу, мгновенно, как ток по проводам, перекинулось от него к ней и с той поры не ослабевало и не угасало ни на миг, разгора-

ясь всё ярче и всё сильнее подчиняя их своей неодолимой власти. Разумеется, в перерывах между особенно бурными вспышками были довольно продолжительные периоды спокойной, умиротворённой нежности, однако не эти затишья определяли характер их взаимоотношений: под слоем пепла как будто бурлила и клочкотала раскалённая лава, то и дело прорывавшаяся наружу. Унять и остудить их пыл в таких случаях могли лишь усталость и полнейшее изнеможение, позволявшие им забыться в объятиях друг друга глубоким, безмятежным сном.

Ему доставляло огромное удовольствие наблюдать за ней, угадывать её настроения, следить за сменой выражений на её лице, то светлого и доброжелательного, то хмурого и чуть сердитого, то озарённого тёплой сияющей улыбкой, то затуманившегося и тронутого лёгкой грустью. Нравилось слышать её голос – тихий, мягкий, бархатистый, переливавшийся тонкими, неуловимыми оттенками. Его увлекало, разговаривая с ней, следить за ходом её рассуждений, пусть даже не слишком глубоких и содержательных, следовать за извилистым, прихотливым, непредсказуемым течением её мыслей, противоречивых, путаных, порой взаимоисключающих, чисто женских суждений, зачастую неожиданных и парадоксальных, временами ставивших его в тупик, но редко оставлявших равнодушным и иногда заставлявших серьёзно задуматься.

Ему нравились её вкусы, склонности, привычки, даже те,

что поначалу вызывали непонимание и казались чуждыми. Но со временем его отношение к ним постепенно менялось, и вскоре он с некоторым удивлением и лёгкой усмешкой над собой вынужден был признать, что её вкусы и привычки как-то незаметно стали его собственными. Он совершенно добровольно, без всякого принуждения и понуканий с её стороны, делал то, что хотела она, шёл туда, куда направлялась она, слушал музыку и смотрел фильмы, которые нравились ей, и даже порой невольно, не замечая этого, повторял в разговорах её мнения и оценки.

Но не замечал этого, похоже, только он сам. Чего нельзя было сказать об окружающих. Приятели очень скоро подметили перемены, происшедшие в нём под влиянием новой подруги, и были практически единодушны в том, что перемены эти явно не в лучшую сторону и не пойдут ему на пользу. Некоторые особенно ретивые и острые на язык, не в силах сдержаться, начали сперва глухо, вполголоса, а затем всё громче, откровеннее, в глаза и за глаза, подтрунивать на нём, намекая на его якобы бесхарактерность, бесхребетность, податливость, подчиняемость чужой воле – да ещё женской! – словом, свойства и поведение, недостойные «настоящего пацана». Пару раз он даже уловил краем уха обращённое в его адрес слово «подкаблучник», произнесённое кем-то (он, впрочем, догадывался, кем именно) за его спиной тихим, приглушённым голосом, но всё же не настолько тихо, чтобы он не мог услышать.

Однако всё это: неодобрение товарищей, косые взгляды, насмешки, пересуды и даже оскорбительные выпады, целью которых было задеть и уколоть его, — слабо волновало Кирилла. Мнение друзей, когда-то столь важное, едва ли не определяющее для него, оказывавшее огромное влияние на его собственные суждения и поступки, с некоторых пор перестало интересовать его и оказывать на него какое-либо воздействие. У него появился другой, более существенный и весомый авторитет, единственный, безусловный и неоспоримый, имевший для него неизмеримо большее значение, чем какие бы то ни было иные. Все же прочие понемногу упались, потускнели и сошли на нет, вскоре перестав быть для него таковыми...

И кто бы мог подумать, что всё это так неожиданно, так резко и так нелепо оборвётся?! Что их история, которая, как они полагали, должна быть бесконечно долгой, возможно, длиною в целую жизнь, и беспредельно счастливой, похожей на нескончаемое свадебное путешествие, будет иметь такой скорый и грустный финал. Что их чувство, такое сильное, яркое, красивое, совершенно особенное, непохожее, как им представлялось, ни на какое другое, вдруг, не выдержав первого же серьёзного испытания, в одночасье рассыплется в прах, оставив по себе лишь горькие, щемящие сердце воспоминания и непроходящую, ноющую боль в душе, которая с каждым днём только усиливалась и грозила в конце концов сделаться нестерпимой.

Но как же это произошло? Как и почему это стало возможным? В чём причина и кто в этом виноват? Он сам или она, его девушка?..

Произнеся мысленно последнее слово, Кирилл открыл глаза и нахмурился. Это слово точно обожгло его. Он вдруг подумал о том, о чём то и дело забывал в эти дни, но постоянно вспоминал снова и снова, причём каждый раз со всё большей отчётливостью и растущей тяжестью в душе. И вот сейчас на ум ему опять пришла всё та же упрямая, тягостная, неумолимая мысль, навешавшая его всё чаще и властно подавлявшая все прочие, казавшиеся рядом с ней мелкими, малозначащими, неважными. Чем больше проходило времени, чем больше он раздумывал над тем, что произошло на днях между ним и Сашей, тем яснее ему становилось: он уже не мог с уверенностью утверждать, что она по-прежнему его девушка. Вполне возможно, после всего случившегося он уже не имеет права так её называть и, всё ещё думая о ней по привычке как о своей подруге, обманывает сам себя, тешит себя иллюзиями, принимая желаемое за действительное, упорно надеясь на благополучный исход без особых на то оснований.

Припоминая все подробности происшедшего, он вынужден был признать, что на быстрое примирение рассчитывать не приходится. Дело зашло слишком далеко, и вернуться к прежнему будет не так-то просто. Если вообще возможно...

Различные недоразумения, выяснения отношений, мел-

кие трения и короткие размолвки случались у них и раньше, не без этого, но были, как правило, настолько незначительны и скоротечны, что разрешались почти сразу же и не оставляли ни малейшей тени на их отношениях. Совсем иное дело бурная сцена, разыгравшаяся несколько дней назад и с тех пор постоянно прокручивавшаяся в его памяти, заставляя его каждый раз переживать её сызнова, от начала до конца. Этот конфликт не из числа тех, что разрешаются легко и просто, без особых усилий и стараний. Его не уладить одним махом, с помощью красивых слов и букета цветов. Он будет иметь для них обоих самые серьёзные, тяжелейшие последствия. Вернее, уже имеет.

При мысли о цветах как возможном оружии примирения Кирилл невесело усмехнулся. Если бы всё было так просто! Но он слишком хорошо знал Сашу и понимал, что с ней этот номер не пройдет. Она, скорее всего, и рта не даст ему раскрыть, да, пожалуй, и на порог к себе не пустит. Не исключено также, что букет, – если он всё же прорвётся к ней со своими цветами, – полетит ему в физиономию, сопровождаемый выразительными и энергичными фразами, которыми она в некоторых случаях оперировала очень умело.

Все эти варианты вероятного развития событий представлялись ему вполне реальными. Саша девушка самолюбивая, своенравная, непредсказуемая и, несмотря на внешнюю сдержанность и порой даже холодность, внутренне крайне эмоциональная. Уж он-то знал это лучше, чем кто бы то ни

было! Только все свои переживания и эмоции она держит глубоко в себе, не выставляет их напоказ, на всеобщее обозрение, не любит демонстрировать их перед посторонними, не позволяет им выплеснуться наружу и привлечь чьё-либо внимание. Она как будто стыдится своих чувств, или, вернее, их бурного проявления, и полагает, что лучше всего спрятать их на дне своей души, подальше от любопытных взоров. Её выдержка, самообладание, умение обуздать свои страсти и взять себя в руки были безупречны, мало кто мог сравниться с ней в твёрдости характера, душевной стойкости, железной самодисциплине.

Один только раз на его памяти изменило ей её хладнокровие. Во время их давешней ссоры. Единственный раз, когда её лицо изменилось до неузнаваемости, а глаза вспыхнули неукротимой, бешеной яростью, которой он никогда в них не видел.

Глава 5

Если до этого он сохранял относительное спокойствие и порой даже забывался лёгким полусном, то последнее воспоминание взволновало его не на шутку и заставило подняться с дивана. Он принялся расхаживать взад-вперёд по гостиной и соседней спальне, ничего не видя перед собой, ни на что не обращая внимания, временами натываясь на мебель и не замечая этого. Он не ощущал настоящего, точно перестал

существовать в нём. Всеми своими мыслями он был в прошлом. Совсем недавнем прошлом. Это было всего две недели назад – почти ничего, – но так много было передумано и перечувствовано им с той поры, что казалось, всё это случилось в какой-то иной жизни, и не с ним, а с кем-то другим...

В тот вечер он был слегка взбудоражен, немного пьян и, похоже, с самого начала не очень хорошо соображал, что говорит и что делает. Он вообще-то никогда не был большим охотником до спиртного, знал меру и даже в подпитии не терял голову и контроля над собой и своими действиями. Но не в тот раз. Тогда по какой-то до сих пор неясной ему причине он повёл себя совершенно нетипично для себя, более чем странно, так, как никогда ещё себя не вёл. Он выпил несколько рюмок коньяка, хмель ударил ему в голову, его захлестнула волна возбуждения и не совсем здорового веселья. К одним из окружающих он вдруг почувствовал горячую симпатию, доброжелательство, почти нежность, к другим же – столь же внезапную, ничем не обоснованную неприязнь, отторжение, враждебность. С первыми он безостановочно болтал – чем дальше, тем всё менее толково и связно, – похлопывал их по плечу и порой приобнимал, особенно девушек, сопровождая это к месту и не к месту взрывами раскатистого смеха и томными масляными взглядами. На вторых же бросал косые, отталкивающие, а то и откровенно злобные взоры, бормоча при этом глухие ругательства и делая нетерпеливые, резкие движения.

В числе этих несчастливцев, отчего-то вызвавших его неудовольствие и раздражение, непонятным образом оказалась и Саша, сидевшая в дальнем углу комнаты и разговаривавшая с их общим знакомым Ильёй. Кирилл то и дело бросал в их сторону угрюмые, вспыхивавшие мрачным огнём взгляды, хмурил брови и судорожно стискивал зубы. А потом наливал себе очередную рюмку, залпом выпивал её и с ещё большим жаром обхаживал своих соседок по столу, уделяя особенное внимание Яне, той самой эффектной статной блондинке, с которой он познакомился тогда же, когда и с Сашей. А та, судя по всему, была совсем не против его ухаживаний: она охотно слушала его сбивчивые пьяные излияния, становившиеся всё более громкими и откровенными, смеялась его дурновкусным сальным шуткам, позволяла себя обнимать, только для вида отводя его руку, норовившую обвить её плечи.

Однако Саша, несмотря на разговор с Ильёй, всё это время не теряла Кирилла из виду и была начеку. И как только решила, что его поведение становится неприличным и вызывающим, подошла к нему и сделала тихое, но внушительное замечание.

Он не внял ей. Метнул на неё хмурый, недовольный взор, буркнул что-то нечленораздельное и вновь обратился к Яне.

Саша постояла возле них немного, будто собираясь что-то сказать. Но ничего не сказала. Лишь поджала губы, передёрнула плечами и вернулась к своему собеседнику.

А точно сорвавшийся с цепи Кирилл продолжал бушевать. Уже не таясь, он придвинулся к Яне вплотную, обнял её за плечи и нашёптывал ей на ушко маловразумительные и малопрстойные глупости, которые, впрочем, та выслушивала вполне благожелательно и, очевидно, не без удовольствия, о чём свидетельствовал её весёлый залиvistый смех, сопровождавший его остроты, даже весьма сомнительные по качеству. А его её близость, её кажущаяся податливость, её задорный заразительный смех, в котором ему чудилось что-то завлекающее и порочное, как бы призыв к действию, распаляли всё сильнее, и он, пьянея уже не только от вина, всё больше терял голову и чувство реальности.

К ней минут через пять его снова попыталась вернуть Саша, опять подойдя к нему и шепнув ему на ухо несколько вразумляющих фраз.

Но вразумить его, похоже, было уже трудно. С трудом оторвавшись от Яны, он посмотрел на свою девушку как на постороннего человека, скривил физиономию, будто отведав чего-то кислого, и, не произнеся в ответ ни слова, отвернулся.

И вновь Саша не сразу отошла от него, а постояла несколько секунд рядом, словно в нерешительности. Лицо её омрачилось, губы слегка вздрагивали, лоб прорезала продолговатая морщинка. Скользнув по раздухарившемуся, уже ничего не замечавшему и не понимавшему Кириллу грустным, немного растерянным взглядом, она вернулась на своё место

в углу комнаты и, не обращая больше внимания на пытавшегося развлечь её Илью, погрузилась в задумчивость, время от времени озабоченно поглядывая на своего парня, продолжавшего куролесить за столом.

Там, впрочем, ему, по всей видимости, уже стало тесно, и он, с грохотом отодвинув стул, направился к окну. Улыбавшаяся, раздумывая Яна последовала за ним. Здесь, у раскрытого окна, он немедленно возобновил заигрывания с ней, становившиеся всё более развязными и шумными. Он бурно жестикулировал, хватал свою собеседницу за руки, то и дело раздражался идиотским хохотом и говорил так громко, что вскоре привлёк к себе внимание уже не только Саши, но и всех присутствовавших в комнате. Они со всё большим интересом и любопытством прислушивались и присматривались к расхажившему, точно ослеплённому Кириллу, у всех на глазах и в присутствии собственной девушки флиртовавшему с её подругой и, судя по всему, и не думавшему останавливаться.

Наконец Саше, по-видимому, надоело терпеть это, и она, с пылающими щеками и сверкающим взглядом, вновь приблизилась к нему и приглушённым, чуть подрагивающим голосом, выдававшим её волнение, заявила, что она уходит.

Он посмотрел на неё пустым, бессмысленным взглядом, будто не узнавая, дёрнул плечом и после небольшой запинки, с трудом ворочая заплетающимся языком, нетвёрдо произнёс:

– Н-ну и что?

Её лицо зарделось ещё сильнее, а в огромных сияющих глазах вспыхнули холодные стальные огоньки.

– То есть как это «ну и что»? Я ухожу! Ты понимаешь? – по-прежнему негромко, но внушительно, с нажимом сказала она.

Он внимательно – насколько это было возможно в его тогдашнем состоянии – вгляделся в её взволнованное, напрягшееся лицо и на мгновение задумался, будто начал соображать, что делает и говорит что-то не то. Но затем, переведя взгляд на Яну и заметив блуждавшую на её губах тонкую насмешливую улыбку, вообразил, что она смеётся над ним, насупил брови и, хмуро покосившись на Сашу, отрывисто проговорил:

– Ну так иди... Кто тебя держит-то?

Её лицо болезненно исказилось и вместо пунцового вдруг сделалось бледным. Взмахнув длинными, закруглявшимися кверху ресницами, она впиалась в него острым, пронизывающим взором и сдавленным, глуховатым полушёпотом спросила:

– Это твоё последнее слово? Тебе нечего больше сказать мне?

Он заглянул в её широко распахнутые, смотревшие на него в упор глаза, в которых, как ему показалось, блеснули слёзы, и вновь на секунду заколебался, правильно ли он ведёт себя, не совершает ли серьёзной ошибки, о которой ему

придётся потом горько пожалеть?

Но, точно стремясь избавиться от этих тягостных колебаний, он отвёл взгляд от Сашиних глаз, пристальный укоряющий взор которых жёг его как огонь, и опять посмотрел на Яну. И это окончательно всё решило. Вновь увидев её усмешку, как ему почудилось, ехидную и издевательскую, он вскипел, почувствовал, как кровь бросилась ему в голову, и, видя всё вокруг будто в тумане, уже не контролируя себя и плохо понимая, что за слова срываются с его языка, повернулся к Саше и рявкнул:

– Да пошла ты...

Какое слово он произнёс в заключение этой фразы, он не помнил и, как ни напрягал память, так и не смог припомнить, а спросить у кого-нибудь из тех, кто был свидетелем этой сцены, – а их было немало, – не решался. Да и в общем-то не имело уже особого значения, какое именно это было слово. Ясно, что это было оскорбление. Безобразное, грязное, площадное. Способное смертельно обидеть и унижить любую девушку, а тем более такую самолюбивую, крайне чувствительную, щепетильную, ранимую в этом отношении, как Саша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.